

Даже лицо Императора стало суровым.

— Дин Сянь. — Ли Юэбай поднял руку и указал на дрожащего маленького евнуха.

14. Музыкант из Шанцзина (часть 14)

Дин Сянь отравил наследного принца?

— Да, Дин Сянь был одним из тех евнухов во дворце Юаньхэн, кто отвечал за отвары и подношение лекарств, — произнес Ли Юэбай. — Именно он, пока варил снадобье, подмешал в него яд.

— Это невозможно! — немедленно выступил вперед главный евнух Аптекарского приказа. — Весь процесс приготовления и доставки лекарства выполняется несколькими евнухами сообща. Дин Сянь никак не мог обмануть остальных и отравить отвар тайком.

— Если он подмешал яд в травы еще до начала варки, другие могли этого не заметить, — возразил Ли Юэбай.

— И это невозможно, — сурово отрезал главный евнух. — Тот, кто варит лекарство, обязан его доставить и первым же попробовать! Если бы Дин Сянь добавил яд, он бы первым же и отравился.

— Верно! Мы все были вместе! — поспешно зашумели другие евнухи. — Не только Дин Сянь пробовал лекарство, но и мы тоже, и с нами ничего не случилось!

— В этом-то всё и дело! — Ли Юэбай хлопнул в ладоши. — Господа, прошу, слушайте внимательно, это очень важно: этот яд действует только на наследного принца.

— Да разве есть в мире такой яд, который поражает лишь одного человека? — изумились присутствующие.

— Трава оленьего пениса, — тихо ответил Ли Юэбай.

— Музыкант Юнь, выражайтесь яснее, мы не расслышали.

— Трава оленьего пениса! — лицо Ли Юэбая, скрытое за вуалью, слегка покраснело.

— Что это за трава? — нахмурился Император.

— Докладываю Вашему Величеству, эта трава — средство для любовных утех, — пояснили

придворные лекари. — По форме напоминает олений пенис, но является растением. Обладает мощным действием: ускоряет кровоток, вызывает прилив крови к лицу и учащенное сердцебиение, не говоря уже о возбуждении в известном месте...

— Безобразие! — прикрикнул Император. — Музыкант Юнь, ты хочешь сказать, что Дин Сянь отравил принца средством для любовных утех?

— Именно так, — ответил Ли Юэбай.

— Нескладно выходит, — вставила Чжаожун Сюй. — Если бы принц принял эту траву, он бы просто затосковал по возлюбленной, но с чего бы ему падать в обморок и заболеть?

— Неужели наследный принц обладает столь необычным телосложением? — Евнух Ань невольно бросил удивленный взгляд на Мужун Наня.

Все присутствующие начали украдкой поглядывать на Мужун Наня, гадая, что же такого особенного в принце, раз на него так действует любовное зелье.

— Дело вовсе не в постыдных вещах! — Ли Юэбай больше не мог этого выносить, ему было донельзя неловко. Он поспешил прояснить ситуацию: — Телосложение наследного принца отличается от обычных людей. В глубине его сердца есть крошечная кровяная опухоль. Обычно она не доставляет хлопот, но если принц принимает подобный стимулятор, сердце начинает биться слишком быстро, кровь бежит слишком стремительно, опухоль лопаются, кровь скапливается в груди, и принц впадает в беспамятство.

— Но... как отравитель мог узнать о столь глубокой тайне? — недоумевал евнух Ань.

— Когда наследный принц был ребенком, один странствующий лекарь случайно нащупал это при осмотре и записал в медицинскую карту, которую передал в Императорскую академию медицины. Но там посчитали его шарлатаном и не поверили, — пояснил Ли Юэбай. — Позже об этом стало известно преступнику, который знал, насколько прозорлив был тот лекарь, и подобрал яд в соответствии с болезнью.

— Это дело настолько секретно, откуда же Музыкант Юнь о нем узнал? — Евнух Ань был слишком умен, чтобы дать себя обмануть.

Я догадался, сопоставив сюжет оригинала и слова принца! — подумал про себя Ли Юэбай, но вслух этого, конечно, не произнес.

— О том, как я узнал, я расскажу позже, — отрезал он. — После того как опухоль лопнула, принц лежал без сознания, жизнь его висела на волоске, но, к счастью... я вовремя подоспел.

Да уж, Музыкант Юнь совсем не страдает от скромности, совсем не похож на свой тихий образ.

— Когда я пробудил принца звуками цитры, его сомнения развеялись, настроение улучшилось, застоявшаяся кровь постепенно вышла, и он выздоровел, — подбирая слова Ли Юэбай. Не зная, прав ли он, он лишь умолчал о том, что принцу стало не просто лучше — он был в полном восторге.

— Тогда почему же евнухи, пробовавшие лекарство, никак не отреагировали? — спросила Чжаожун Сюй.

— Из-за их положения... для них эта трава словно чистая вода, никакого эффекта, — смущенно пояснил Ли Юэбай, сохраняя невозмутимый вид и проклиная про себя пороки феодального общества.

— Вот оно что.

— В рецепте, написанном Императрицей, конечно, не было никакой травы оленьего пениса. Дин Сянь добавил ее тайком, пока варил отвар.

— Музыкант Юнь, я все еще не понимаю, почему именно Дин Сянь? У других тоже была возможность, — главный лекарь нахмурился. Дин Сянь был прилежным и толковым парнем, он не хотел верить в его виновность, к тому же это бросало тень и на него самого.

— Музыкант Юнь, я невиновен! — Дин Сянь набрался смелости и закричал. — К тому же, какие у вас доказательства?

— Доказательства? Ты украл их в тот самый день, — Ли Юэбай беспомощно развел руками.

— В какой день? — нахмурился главный лекарь.

— В тот день, когда я по неосторожности упал в ледяное озеро, — с иронией ответил Ли Юэбай.

— О... — при упоминании об этом событии все всё поняли.

История о том, как Музыкант Юнь угодил в ледяную воду, гремела на весь дворец, кто же об этом не слышал?

Точно! Главный лекарь вспомнил: в тот день Дин Сянь вел себя подозрительно и заявлял, что из комнаты для отходов украли остатки лекарств. Позже выяснилось, что пропали две порции, и одна из них как раз относилась к тому дню, когда принц заболел.

— Музыкант Юнь, если у вас нет доказательств, то все ваши слова ничего не стоят, — вздохнул евнух Ань. — Если остатков лекарства нет, вы не сможете доказать ни вину Дин Сяня, ни само

существование этой травы.

— Верно, именно так! — в сердце Дин Сяня вспыхнула радость.

В тот день он совершил два дела и получил две заслуги. Во-первых, выкрал остатки лекарств из комнаты отходов, уничтожив улики. Во-вторых, столкнул Музыканта Юня в озеро, вынудив принца спасти его и тем самым скомпрометировав обоих. Если он выйдет сухим из воды, как не радоваться? Украденные остатки уже давно покоились на дне озера вместе с коробкой, а вода наверняка все смыла.

Эта партия за мной! Даже если наложница Шань проиграла, я смогу уйти невредимым!

Однако...

— Доказательства? Вы просили доказательства? Кажется, они у меня есть, — Ли Юэбай слегка улыбнулся. Он запустил правую руку в левый рукав, порылся там и выудил две маленькие коробочки. — Вот они.

— Что? — Дин Сянь чуть не лишился чувств.

— Музыкант Юнь, вы же сами сказали, что Дин Сянь их украл. Откуда они у вас?

— Вероятно, мне благоволят Небеса, — нагло заявил Ли Юэбай.

Еще до того, как Дин Сянь столкнул его в озеро, Ли Юэбай почувствовал неладное. Дин Сянь выглядел нервным, а за пазухой явно что-то прятал. Поэтому, падая, Ли Юэбай утянул его за собой. В ледяной воде он окоченел, но у господина Бая была одна особенность: в критический момент мозг работал быстрее, чем у кого бы то ни было. Притворяясь, что борется с водой, он из последних сил вытащил коробочки из-за пазухи Дин Сяня.

Печати на коробках уцелели, дата была размыта водой, но все еще читалась. Внутри лежала черная каша. После проверки лекари подтвердили: в ней содержалась трава оленьего пениса.

— Доказательства перед вами. К тому же я лично изъясил их у Дин Сяня, — сказал Ли Юэбай. — После того как принц спас меня из воды, я сразу же показал ему эти коробки, так что он может подтвердить мои слова.

— Стража! Взять Дин Сяня под стражу и допросить! — приказал Император.

— Почему трава оленьего пениса была в обеих коробках? — удивился лекарь. — На первой дата того дня, когда принц заболел, а на второй — день, когда его пробудил Музыкант Юнь!

— Да, Дин Сянь никак не ожидал, что принц очнется, поэтому спланировал второе отравление, — ответил Ли Юэбай. — Как и в прошлый раз, принес его лично.

— И принц выпил его? — ужаснулись присутствующие.

— Нет, по случайности его выпил я, — лицо Ли Юэбая покраснело от досады. Вспоминая, как этот медвежонок Мужун Нань издевался над ним в тот день, он до сих пор кипел от злости.

— Странно, неужели принц знал, что с лекарством что-то не так, и отказался пить?

— Нет, — Мужун Нань нахмурился. — Только потом, когда брат Юнь во всем разобрался и рассказал мне, я понял. А тогда мне просто показалось, что лекарство слишком горькое.

— На самом деле, даже если бы принц его выпил, ничего бы не случилось, — добавил Ли Юэбай. — Кровяная опухоль уже лопнула, и сколько бы он ни пил эту траву, вреда бы не было.

Хотя... кто знает! Ли Юэбай задумался, и по спине пробежал холодный пот. Если бы то зелье выпил этот сорванец Мужун Нань... Смог бы он сейчас с невозмутимым видом утверждать, что между ними ничего не было? Ох, пронесло.

— Ох, этот раб Дин Сянь, как он мог совершить такое чудовищное преступление! — вздохнул главный лекарь. — Где он набрался такой смелости?

— У него был покровитель, — Ли Юэбай собрался с духом. — Тот, кто его надоумил — нынешний Великий наставник Чжао, Чжао Нэ.

— Не смей клеветать! — Шань Хуэй, долго лежавшая без движения, внезапно подняла голову, ее глаза расширились, зубы заскрежетали. — Это мы, сестры, подговорили Дин Сяня, а не Великий наставник Чжао!

Сейчас их могла спасти только поддержка Чжао Нэ. Если втянуть его в это дело, все будет кончено.

— Хорошо, тогда подождем показаний Дин Сяня, — Ли Юэбай был уверен в исходе. — Он неминуемо признается, что его подговорил Чжао Нэ.

— Пустые слова — это лишь попытка переложить вину! Ваше Величество! Поверьте Великому наставнику Чжао! — Шань Хуэй с трудом поднялась, пошатываясь, поползла до Императора и обхватила его ноги, умолая: — Великий наставник Чжао ни о чем не знал!

— Ты хочешь сказать, что даже если Дин Сянь даст признательные показания, ты им не поверишь? — Ли Юэбай был в отчаянии.

В истории власть имущим часто хватало одного лжесвидетельства, чтобы уничтожить целые семьи невинных. Но сейчас Чжао Нэ, мастер лести, пользующийся доверием Императора, был недостижим для одних лишь слов.

— Разумеется, будут не только показания, я найду доказательства, — Ли Юэбай вздохнул и поднял палец. — Во-первых, нужно выяснить, где Дин Сянь достал траву оленьего пениса. Потянув за эту ниточку, мы неизбежно выйдем на Чжао Нэ!

Эта трава — редчайшее лекарство, в Шанцзине нет ни одной аптеки, где бы ее продавали. Если отправить толковых людей на поиски, они обязательно найдут след Великого наставника.

— Во-вторых, — Ли Юэбай понизил голос, — я осмелюсь предложить проверить, куда делась медицинская карта! Как я уже говорил, тот странствующий лекарь передал ее в Императорскую академию, а там ее передали кому-то другому. Если выяснить, кому именно, мы снова выйдем на Чжао Нэ!

— Сейчас говорить об этом еще слишком рано! — Шань Хуэй с растрепанными волосами, словно безумная, издала пронзительный вопль. — Дин Сянь еще не дал показаний! Эта проклятая трава еще не найдена! А медицинскую карту еще нужно отыскать! Музыкант Юнь, ты делаешь поспешные выводы и клеветашь на Великого наставника Чжао, какое наказание тебя ждет?

— Музыкант Юнь, до этого момента вы были дерзки, но каждое ваше слово было подкреплено уликами, поэтому за неуважение вас можно было простить. Но эти слова — верх наглости! Вы еще ничего не расследовали, но уже утверждаете, что непременно выйдете на Великого наставника. Вы что, пророк, чтобы знать все наперед в присутствии Его Величества? — Евнух Ань, заметив выражение лица Императора, взмахнул метелкой и принялся отчитывать Ли Юэбая.

— И правда, Юнь Вэйчжи — всего лишь простой музыкант, как он смеет открыто бросать вызов самому Великому наставнику?

— Клеветать на Великого наставника без доказательств — за это положено судить как за ложный донос!

— Великий наставник Чжао — опора государства, как он мог совершить такое? Это Музыканта Юня кто-то подговорил свалить всё на него!

Толпа зашумела, ставя под сомнение слова Ли Юэбая. И их доводы звучали весьма убедительно.

— Ваше Величество, я опоздал, прошу прощения, — раздался старческий, но твердый голос. Это был Чжао Нэ.

В сопровождении нескольких слуг он медленно вошел во Двор Возвращения Сердца и, едва ступив внутрь, опустился перед Императором на колени. Император с мрачным лицом махнул рукой, приказывая ему встать, и предложил сесть.

— Смею спросить Музыканта Юнь, в чем же моя вина? — Чжао Нэ не уклонялся от ответа.

Он был среднего возраста, но лицо его, с выступающими скулами и синеватым оттенком, выглядело осунувшимся, а взгляд — хищным и пронзительным, что придавало ему вид глубокого старца. В руках он медленно перебирал четки.

Чжао Нэ рассчитывал, что Юнь Вэйчжи к этому времени будет мертв. Он не ожидал, что тот не только выживет, но и отразит все атаки, да еще и выкопает правду об отравлении. Для простого отшельника это было поистине выдающимся достижением.

— Великий наставник Чжао, я не знаю придворного этикета и, возможно, был груб, прошу простить меня, — сказал Ли Юэбай. — Но неужели вы не признаете этих обвинений?

— Признавать то, чего не было? Это было бы смешно, — Чжао Нэ расслабился, перестав воспринимать Ли Юэбая всерьез.

— Я прошу Ваше Величество приказать провести тщательное расследование, — Ли Юэбай поклонился снова. — Результаты неизбежно будут такими, как я сказал.

На самом деле он уже заметил, как в тот момент, когда он перечислял улики, Император кивнул стражникам Цзиньувэй, и те немедленно покинули двор, чтобы начать проверку.

— Музыкант Юнь, стража Цзиньувэй уже отправилась проверять ваши слова, а что они найдут или не найдут — это уже не касается вас, простолюдина, — голос евнуха Аня стал еще выше. — Прошу, не шумите больше.

— Господин Чжао, вам есть что сказать? — несмотря на доверие, в голосе Императора проскользнула тень сомнения.

— Я чист перед законом, мне нечего сказать, — ответил Чжао Нэ. — Стража Цзиньувэй исполнит свой долг и докажет мою невиновность.

Он годами плел интриги при дворе, поэтому даже на краю пропасти мог сохранять невозмутимость. На самом деле, если стража будет копать глубоко, они обязательно выйдут на него. Ли Юэбай был прав в каждом слове: именно Чжао Нэ раздобыл медицинскую карту и приказал Дин Сяню подмешивать траву в лекарство. Но он действовал скрытно и был уверен,

что не оставил следов. Стоит ему твердо стоять на том, что Дин Сянь клеветает, и, опираясь на доверие Императора, он сможет выйти сухим из воды.

К тому же этот музыкант, похоже, от успеха потерял голову и наговорил лишнего! Сначала ситуация была в его пользу, он почти завоевал доверие Императора, но сам все разрушил. Действительно, просто деревенщина, с ним не так уж сложно справиться.

Чжао Нэ проанализировал мысли Императора: тот лично слышал, как Юнь Вэйчжи дерзко и безосновательно обвинял его, и, вероятно, уже проникся к музыканту неприязнью, а к нему самому — доверием.

Что ж, покончим с ним поскорее.

— Музыкант Юнь, если вы сможете представить доказательства моей вины, мне нечего будет возразить, — сказал Чжао Нэ. — Но сейчас, клеветца без улик, вы заставляете меня думать, что кто-то подослал вас сюда, чтобы посеять раздор.

Чжао Нэ повернулся к Императору: — Ваше Величество, я считаю, что Музыканта Юня следует заключить в тюрьму за ложный донос, чтобы он не сеял слухи... А когда стража вернется, правда сама выйдет наружу.

Чжао Нэ все тщательно обдумал: пока музыкант за решеткой, никто не сможет разоблачить его методы. Даже если стража что-то найдет, он найдет способ это скрыть.

Как смешно, этот Музыкант Юнь так быстро проиграл. Ведь если бы он не был столь дерзок и просто попросил провести расследование, Император не только бы согласился, но и оценил бы его ум, возможно, даже позволил бы ему участвовать в следствии. Тогда, потратив несколько дней, он мог бы действительно его погубить.

Если бы дошло до этого, было бы трудно, но он занимал высокое положение и не стал бы ждать смерти — наверняка нанял бы убийц. В любом случае, он побеждал.

Император уже всерьез обдумывал предложение Чжао Нэ. Действительно, этот Юнь Вэйчжи проявлял странную враждебность, он подозрителен...

— Стража, — Император устало махнул рукой, решив сначала изолировать Юнь Вэйчжи, а потом разобраться.

— У меня есть еще одно слово, — Ли Юэбай вовремя вставил фразу, и уголки его губ дрогнули в улыбке.

— Дерзость! Почему не сказал раньше? — евнух Ань был на грани срыва. Этот музыкант то одно, то другое, сколько можно?

— Потому что я ждал ответа от Великого наставника Чжао, — улыбнулся Ли Юэбай. — Вы только что сами сказали: если я представлю доказательства, то признаете вину.

Чжао Нэ нахмурился. Согласно его расчетам, у музыканта не было никаких доказательств, иначе он не стал бы требовать расследования.

<http://bllate.org/book/19096/1875420>